

УДК 340.124
DOI: 10.25206/2542-0488-2020-5-2-109-115

А. Б. ДИДИКИН

Институт
государства и права РАН,
г. Москва

ВИТГЕНШТЕЙН И МЕТАМОРФОЗЫ ЮРИДИЧЕСКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена анализу эволюции философских идей Л. Витгенштейна и влиянию его взглядов на аналитическую философию права и теорию юридического языка. На основе ключевых аргументов «Логико-философского трактата» реконструируется возможность отображения правовых явлений в юридическом языке с позиции логической обоснованности и взаимосвязи синтаксиса и семантики нормативных предписаний. Рассмотрены современные дискуссии о возможностях имплементации аргументов Витгенштейна о проблеме следования правилу и скептическом аргументе в области толкования и прояснения содержания правовых норм. Анализируются концепции Д. Паттерсона и А. В. Нехаева о социальном контексте интерпретации судебной практики и мотивов судей при принятии правовых решений. Автор обосновывает позицию о взаимосвязи обыденного и профессионального дискурсов в юридическом языке.

Ключевые слова: Витгенштейн, юридический язык, факты, действия, интерпретация, судебная практика, правовая доктрина, социальный контекст.

1. Введение. В современной философии права существует давний и устойчивый интерес к поиску адекватных и обоснованных интерпретаций идей и взглядов Людвиг Витгенштейна. Начало этому творческому процессу было положено в 70-е гг. XX в. многотомными трудами Питера Хакера — одного из учеников Герберта Харта, — посвященными детальному комментированию афоризмов и суждений «Философских исследований» [1]. Это произведение, принадлежащее к «позднему» периоду творчества Витгенштейна, становится ключевым текстом для интерпретации «проблемы следования правилу» в области права, способом обоснования специфики юридического языка и толкования юридических терминов.

В отечественной философии права теория юридического языка и её толкование в контексте идей и аргументов Витгенштейна получает глубокое развитие в публикациях В. В. Оглезнева [2], В. А. Суворцева [3], С. Н. Касаткина [4], Е. А. Войничанис [5], хотя первые шаги на этом пути можно обнаружить еще в трудах В. А. Туманова [6]. В мировой философии права оригинальные интерпретации идей и взглядов Витгенштейна представлены в трудах Б. Бикса, Д. Паттерсона, М. Мура, за последние десятилетия его идеи и взгляды стали неотъемлемой частью классического наследия в области лингвофилософских исследований правового дискурса [7].

В современной философии права идеи и взгляды Витгенштейна, однако, довольно редко воспринимаются в какой-либо целостной форме, они используются скорее как своеобразные литературные афоризмы, на которые приходится реагировать из соображений академической этики или требований полноты собственных исследований. Неслучайно Яако Хинтикка отмечает, что «философии Людвиг Витгенштейна свойственна примечательная чувствительность к концептуальным вопросам, которая весьма сродни художественной чувствительности» [8, с. 12]. Традиционно в философском наследии Витгенштейна принято выделять «ранний» и «поздний» периоды творчества, именно на этом привычном разграничении основывается большая часть исследований и интерпретаций работ Витгенштейна [например, см.: 9]. Тем не менее, как считает Хинтикка, мы имеем все основания утверждать: «Витгенштейн придерживался совершенно определенных логико-философских взглядов на различных стадиях своей философской карьеры. Далее, его философское развитие не претерпевало квантовых скачков от одного великого тезиса к другому» [8, с. 25]. Согласие с подобным утверждением и послужит для нас основой собственной интерпретации идей и взглядов Витгенштейна в области философии права и юридического языка.

2. Возможно ли логическое отображение и логический анализ юридических терминов? Вит-

генштейн в «Логико-философском трактате» [10] рассматривает логику как средство отображения внешнего мира, доступного субъекту познания в качестве фактов. Подобный образ логического пространства, внутри которого только и возможны логически обоснованные рациональные суждения, в значительной степени соответствует идее «правового поля» — области юридически значимых фактов и их описания с помощью юридических понятий.

В своем *Трактате* Витгенштейн последовательно конструирует логическое пространство мира. Мир представляет собой совокупность фактов, а не предметов (1.1). Следовательно, факт отличается от вещи. При этом «как мы не можем мыслить вообще пространственные объекты вне пространства или временные вне времени, так мы не можем мыслить никакого объекта вне возможности его связи с другими объектами» (2.0102). Таким образом, объекты понимаются Витгенштейном как некое отношение, взаимосвязь, а любой факт при этом — фиксация некоего отношения.

«Предмет самостоятелен, поскольку он может существовать во всех возможных обстоятельствах, но эта форма самостоятельности является формой связи с атомарным фактом, формой зависимости» (2.0122); «если я знаю объект, то тем самым я знаю и все возможности его вхождения в атомарные факты» (2.0123); «чтобы знать объект я должен знать хоть и не все внешние, но все его внутренние свойства» (2.01231), — из этих и некоторых других афоризмов *Трактата* следует, что Витгенштейн не отрицает возможности логического анализа и отображения различных явлений (а значит, в том числе и юридических институтов и терминов). Иными словами, возможность познания и отображения тех или иных явлений и терминов зависит от познания их внутренних свойств.

Поясняя представление о внутренних свойствах объекта, Витгенштейн отмечает, что каждый объект существует в пространстве возможных ситуаций: например, «пятно в поле зрения ... должно иметь цвет, оно окружено, так сказать, цветным пространством. Тон должен иметь какую-то высоту, осязаемый объект — какую-то твердость и т.д.» (2.0131). Тем самым и юридические явления (правоотношения, юридическая ответственность, норма права и т.д.), а также соответствующие им юридические понятия, как языковые конструкции, могут являться объектом логического отображения и логического анализа.

Самым простым элементом действительности в логическом пространстве является *атомарный факт* [11, с. 28]. Юридический мир также представляет собой совокупность фактов, причем в повседневной практике юридические явления анализируются исключительно сквозь призму интерпретации фактов без поиска их материальной составляющей. Ведь если мы будем искать аналоги в мире вещей для отношений по договору поставки товара, такие материальные объекты не будут нами обнаружены, поскольку правовые нормы регулируют отношения в форме действий сторон договора. В указанном смысле фактами в юридическом языке являются и реальные, и вымышленные сущности (если следовать логике рассуждений Иеремии Бентэма): «Конституция», «двухпалатное устройство российского парламента», «подпись лица на документе» и т.п.

Атомарным фактам соответствуют атомарные предложения, которые их отражают и описывают

(4.023). Юридический язык, элементарной частицей которого является атомарное предложение, отражает все возможные правовые явления в контексте юридически значимых фактов. К области юридического языка можно отнести только такие языковые формы, которым в действительности соответствуют атомарные факты. Это значит, что следует признать бессмысленными такие атомарные предложения, которым в действительности не соответствуют атомарные факты. Метод логического анализа языка Витгенштейна позволяет исключить из поля зрения юридической науки многие метафизические проблемы (равно как и гипотетические конструкции юридического языка). Данные проблемы не могут быть решены, поскольку их языковому выражению (т.е. непосредственному образу мира) в действительности не соответствует ни один из фактов.

3. Факты, правила и действия. В самом начале *Трактата* Витгенштейн в качестве первого афоризма указывает, что «мир есть все то, что имеет место» (1). Значение этого афоризма уточняется им далее: «Мир есть совокупность фактов, а не вещей» (1.1) и «мир разбивается на факты» (1.2). Заявляя о том, что «факты в логическом пространстве образуют мир» (1.13), Витгенштейн даёт понять, что «мир», о котором он говорит, располагается не в физическом, а в логическом пространстве [12]. Речь идет о мире так, как он представлен в языке субъекта, и такой мир вполне оформлен и структурирован в языковом дискурсе.

Что представляют собой эти факты? Факты — это «наличие ситуаций» (2), которые «есть комбинация объектов (предметов, вещей)» (2.01). Отсюда следует, что структура факта образуется структурами ситуаций, а совокупность существующих ситуаций и составляет мир (2.04). Если ситуация является комбинацией объектов, существенным свойством объекта становится то, что он может быть частью ситуации (2.011). Тем самым факты и ситуации взаимно обусловлены, и совершенно не случайно то, что объект входит в ситуацию, такая возможность должна быть изначально заложена в объекте.

Итак, мы видим, что задолго до знаменитой формулировки проблемы следования правилу в своих «Философских исследованиях» и «Заметках об основаниях математики», Витгенштейн в своем *Трактате* рассуждает о правилах (логического синтаксиса, перевода с одного языка на другой и т.д.), в рамках которых существуют и развиваются различные факты и объекты, — правилах, которые предназначены для того, чтобы «регулировать» развитие тех или иных ситуаций именно таким, а не иным образом.

4. Является ли толкование правовой нормы разновидностью логического анализа? Применяемый в юридическом языке логический метод толкования правовых норм состоит в уяснении смысла и интерпретации нормы права путем анализа логической связи между соединенными в одно предложение понятиями, а также логической конструкции правовой нормы при помощи приемов и законов формальной логики. Подобный метод устраняет возможные логические противоречия, когда одно утверждение исключает другое; анализируются и оцениваются иносказания, переносный смысл, соотношение духа и буквы толкуемого правила; исследуется логическая связь отдельных положений закона с правилами логики. Анализу подвергаются не сами по себе слова, как при грамматическом толковании, а обозначаемые ими понятия, явления,

их связи и соотношения между собой. Иными словами, для логического метода толкования важно не только то, что записано в норме, но и то, что подразумевалось в действительности.

Толкование также предусматривает исследование технико-юридических средств и приемов выражения воли законодателя, раскрывает содержание юридических терминов, конструкций и т.д. В обыденном языке трудно обнаружить значение таких правовых понятий, например, как «субъективное право», «правосубъектность», «законный интерес», «гипотеза» или «диспозиция», а иногда и провести четкую грань между проступком и преступлением. В конечном счете, связанные с юридической оценкой и квалификацией действий правовые решения принимаются уполномоченными субъектами и основываются на характере правосознания этих субъектов. Их языковой дискурс выступает критерием разграничения юридически значимых и безразличных действий и фактов, что, тем не менее, не исключает тесной связи обыденного языка и профессионального юридического языка в правовом дискурсе. Поэтому рассуждения Витгенштейна в *Трактате* ориентируют юридическое мышление на логически осмысленные высказывания.

5. «Формы жизни», «языковые игры» и метаморфозы юридического языка. Среди отечественных философов первой на существенное влияние идей Витгенштейна в философии права обратила внимание Елена Войниканис, утверждая, что «позднего Витгенштейна интересует не язык как таковой или феномен языка, а *языковая деятельность*» [5, с. 345]. Именно сдвиг в сторону лингвистической прагматики позволил Витгенштейну сосредоточить внимание на метаморфозах языка в контексте проблемы следования правилу. В своих исследованиях Валерий Суровцев и Всеволод Ладов предлагают следующую формулировку этой проблемы: «любое частное употребление языкового выражения может быть подведено под неограниченное количество правил употребления. Любое частное употребление может быть противопоставлено любому правилу. Следовательно, любое частное употребление языкового выражения не может быть с полной определенностью подведено под какое-либо правило» [13, с. 107–108].

Попытки говорить о прямом влиянии так называемого «парадокса следования правилу» (the rule-following paradox) на область исследований юридического языка довольно распространены, в частности, в отечественной юридической науке это делает Сергей Касаткин [4], хотя сомнения в обоснованности подобного подхода сохранятся [14]. В мировой юридической науке одной из наиболее влиятельных попыток является прагматическая интерпретация Дэнниса Паттерсона [7].

В своих исследованиях Паттерсон делает акцент на так называемом «тезисе сверхопределенности» Сола Крипке (the overdetermination thesis), который тесным образом связан с «парадоксом следования правилу», — с ситуациями, когда ни одно новое употребление слова или акт человеческой деятельности не могут быть определены как соответствующие установленному правилу. Например, человек, поливающий цветы в саду, не обязательно окажется садовником, соблюдающим правила ухода за растениями. Сторонний наблюдатель никогда не сможет определить, чем на самом деле руководствуется этот человек, когда поливает свои цветы. Для юридического языка важен также и «тезис

неопределенности», из которого следует, что проблематично создать достаточно единую целостную систему правил, которая позволяла бы субъекту достоверно определить, что он действует в соответствии с установленными ей предписаниями [7, р. 943–944]. Подход Паттерсона, в целом симпатизирующего метафорическому характеру рассуждений Витгенштейна, заключается в поиске обоснованных способов решения «парадокса следования правилу» и соединении существующих позиций.

Первая позиция основывается на фрагментах «Философских исследований», в которых особое внимание уделяется социальному контексту действия правил. Язык как «форма жизни» порождает множество коммуникативных ситуаций («языковых игр»), в которых правило может быть наполнено новыми смыслами при осуществлении действий субъектами коммуникации: «Невозможно, чтобы правилу следовал только один человек, и всего лишь однажды. Не может быть, чтобы лишь однажды делалось сообщение, давалось или понималось задание и т.д. Следовать правилу, делать сообщение, давать задание, играть партию в шахматы все это практики (применения, институты). <...> Совместное поведение людей — вот та референтная система, с помощью которой мы интерпретируем неизвестный язык» [15, с. 347–348]. Суть позиции социального контекста состоит в том, что перед применением правила в сообществе должна возникнуть договоренность о терминах, значении и контексте применения правила, — некие социальные практики. Определенную роль играет и обучение внутри сообщества. Например, приказ занять плацдарм, как и сам этот термин, будут совершенно непонятны человеку, не прошедшему основы воинской подготовки [7, р. 946–948].

Другая позиция в вопросах следования правилу предлагается Гордоном Бэйкером и Питером Хакером. Применение правил здесь определяется исключительно грамматикой правила. Действия же сообщества не придают правилу дополнительного значения, а лишь нарушают его предсказуемость и определенность. Для правильного применения правила достаточно только его самого и некой понятной инструкции по грамматике этого правила. Бэйкер и Хакер ставят под вопрос степень объективности сообщества. В качестве примера они приводят вождя, проинструктировавшего племя принести религиозную жертву в определенный день, однако племя неверно вычислило требуемую дату. Но является ли такое применение правила верным? Ведь если позиция социального контекста верна, именно мнение сообщества определяет, что истинно и что ложно в мире. По мнению Бэйкера и Хакера, это полностью нивелировало бы всякие различия между конкретными суждениями людей и объективностью внутреннего смысла правила, нарушая его предсказуемость. Кроме того, текущее применение правила никак не связано с опытом его применения в прошлом, поскольку истории прошлого не более чем нарратив, не влияющий на грамматику правила [7, р. 949–952].

Паттерсон в полной мере не соглашается ни с одной из этих позиций. С одной стороны, грамматика правила позволяет нам понять, что считать следованием правилу, с другой же — сама эта грамматика является продуктом социального контекста и поэтому может быть открыта для критики [7, р. 956]. Паттерсон при этом не склонен отвергать значение формы, в которой выражено правило,

по отношению к его содержанию. Форма выступает как словесная формулировка причины, лежащей в основе принятия правила. Именно форма правила позволяет людям придавать ему смысл и определённое значение, говорить на общем языке при обсуждении правила.

В качестве примера из области юридического языка можно привести такую доктрину английского права как *consideration*, или встречное удовлетворение. В английском праве простой договор без наличия *consideration* не обладает свойством защиты и не охраняется в судебном порядке. Под *consideration* английское право понимает «какое-нибудь притязание, интерес, выгоду или преимущество, предоставляемое одной стороне, либо воздержание, ущерб, убыток или ответственность, которые терпит или берет на себя другая сторона» [16, с. 92]. Таким образом, в основе этой доктрины заложен обмен ценностями, который производится сторонами. Паттерсон отмечает, чтобы определить, содержит ли тот или иной договор встречное удовлетворение (например, когда одна из сторон в качестве встречного предоставления прощает другой стороне долг, который и так уже не может быть взыскан), необходимо не просто исследовать условия конкретной сделки, но и изучить теорию договорного права. Само по себе положение закона о том, что договоры без *consideration* не пользуются защитой, не помогает нам решить этот вопрос. Толкование прецедентов и научных источников в данном случае позволяет выяснить цель появления доктрины *consideration* в договорном праве, что становится невозможным, если мы используем лишь грамматику правил без какого-либо участия юридического сообщества [7, р. 964–965].

Приведенный пример лишь подтверждает фундаментальность и значимость идей и взглядов Витгенштейна для процедур толкования юридического языка. Неслучайно он сравнивал слова с инструментами, приспособленными для утилитарных целей. Слова функционируют в языковых играх, формирующих группы действий, которые можно назвать практиками. Интерпретация практик является функцией человеческих потребностей, желаний и способов жизни. Язык выступает как средство понимания, а построение связей между словами и действиями является функцией социальных отношений. Знание о мире при таком подходе является лингвистической, а не экзистенциальной категорией. Именно поэтому Паттерсон предлагает рассматривать право не только как нечто фиксированное, объективное и внешнее, но как совокупность действий, практику. То, что люди называют «правом», может считаться правом, потому что это деятельность, с помощью которой общество институциональным образом организует коллективный спор о том, как правильно жить. Право — это средство понимания, способ осмысления коллективного и индивидуального опыта [7, р. 980–981]. При этом форма юридической нормы нам необходима для того, чтобы сделать разговор об юридических концептах возможным и понятным, сконцентрировав значение правового понятия в том или ином термине.

Альтернативный подход к интерпретации «парадокса следования правилу» в юридическом языке можно встретить в работах Андрея Нехаева [17]. В частности, в контексте философии Витгенштейна он предлагает оригинальный аргумент о судействе как разновидности «языковой игры», основыва-

вая его на аналогии между юридическим языком и языком ощущений. И хотя Витгенштейн отрицает возможность существования стандарта ощущений, например, при обсуждении грамматики «видения красного», по мнению Нехаева, нам следовало бы допустить возможность существования такого стандарта для юридического языка прецедентной практики судов («такой-то прецедент»). Рассматривая конкретное дело, судья может заметить сходства фактов и аргументации участвующих в правовом споре сторон, что позволяет ему «вспомнить» существующий прецедент из практики. Но, несмотря на это, он считает, что «судебные решения даже в самых простых случаях (когда речь идет о требованиях очевидного закона) не могут нам гарантировать искупительной добродетели права — «одинаковых» судейских решений по «одинаковым» делам» [17, с. 102].

Логический анализ судебных решений, однако, необходим скорее для формулировки правовой доктрины, нежели для объяснения метаморфоз юридического языка. Ведь, говоря о грамматике правила, невозможно обойтись без *новых* толкований *одной и той же* правовой нормы, а также ее восприятия внешним юридическим сообществом, формирующим контекст ее употребления. Юридическое сообщество редко обладает единым мнением по сложным делам, именно поэтому возможна динамика и развитие правовой системы, а также изменение восприятия значений юридических терминов. Каждое обсуждение громкого судебного дела или получившая резонанс научная публикация содержат в себе интерпретации прошлой практики, в то время как конвенциональное понимание правовых норм создает единство права.

В качестве наглядного примера можно привести доктрину английского права о договоре присоединения. Классическое договорное право содержало так называемую «обязанность прочитать», и каждый, кто ставил подпись под договором, был связан этим обязательством. Однако развитие торгового оборота со временем привело к появлению договоров присоединения, когда более слабая сторона не могла изменить условия договора, поскольку даже не видела их целиком, а могла только присоединиться к ним или нет. В судебном деле *C&J Fertilizer, Inc. v. Allied Mutual Insurance Company* истец застраховал свою ферму от кражи со взломом. Условия договора страхования определяли кражу со взломом как силовое воздействие, причинившее видимые повреждения взломанному месту. В данном случае ситуация сложилась так, что вор вскрыл замок, но не оставил каких-либо видимых следов. Как следствие, страховая компания отказалась признать это страховым случаем [7, р. 991–992]. Верховный суд штата Айова принял во внимание аргументы истца и перешел от буквального применения правовых норм к оценке понятий договорного права. Для этого он сформулировал доктрину разумных ожиданий при исполнении договоров присоединения. Суд отметил, что страхователь не мог изучить все условия договора, при заключении договора исходил из своих ожиданий по надлежащей защите имущества, при этом реклама страховых фирм создавала у страхователя именно такие ожидания. Принципы же классического договорного права неприменимы в данном случае, так как были сформулированы для ситуаций, когда стороны обладили равной переговорной силой. Таким образом, суд скорректировал действующее право в ответ

на изменения экономических отношений, проявив в своей аргументации верность доктрине правового реализма.

Заключение. В исследованиях различных «языковых игр» Витгенштейна нет очевидного акцента на характере правового мышления судей и механизмах действия права. Более того, существуют взгляды, согласно которым его философия не несет в себе никакой практической пользы в деле разъяснения и устранения противоречий нашего языка [18, р. 830, 845]. Однако если мы признаем, что основной механизм функционирования юридического языка, определяющий его метаморфозы и степень влияния на правовой дискурс, находится в неразрывном соединении повседневного дискурса (юридического фольклора, сложившихся обыкновений в толкованиях терминов) и логически корректных лингвистических форм для выражения правовых предписаний, идеи и взгляды Витгенштейна приобретают для понимания правовой действительности особое значение. Идеал философии Витгенштейна, изложенный им в *Трактате*, — это построение замкнутой и обоснованной логической системы, в которой язык проясняет любые вопросы и содержит все необходимые способы решения парадоксов. Лингвистическая прагматика «Философских исследований», тесно связанная с «проблемой следования правилу», смещает наше внимание на контексты употребления терминов (и юридический язык здесь не является исключением), поскольку сами действия субъектов речевой деятельности и формируют реальность, в рамках которой принимаются правовые решения.

Библиографический список

1. Baker G. P., Hacker P. M. S. Wittgenstein: Rules, Grammar and Necessity. Oxford, 2009. 400 p.
2. Оглезов В. В. «Открытая текстура» эмпирических понятий и лингвистический антиредукционизм Фридриха Вайсмана // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56, № 3. С. 110–122. DOI: 10.5840/eps201956353.
3. Оглезов В. В., Суровцев В. А. Альф Росс об определении в юридическом языке // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 41. С. 221–236. DOI: 10.17223/1998863X/41/23.
4. Касаткин С. Н. Логика, рациональность и следование правилу в судебном решении: обзор доктрины Г. Л. А. Харта // Евразийский юридический журнал. 2016. № 7. С. 137–138.
5. Войниканис Е. А. Проблема сознания в философии позднего Витгенштейна и современное правовое мышление // Философия сознания: история и современность: материалы науч. конф. М.: Изд-во МГУ, 2003. С. 339–353.
6. Туманов В. А. Буржуазная правовая идеология. К критике учений о праве // Избранное. М.: Норма, 2013. С. 6–312.
7. Patterson D. M. Law's Pragmatism: Law as Practice & Narrative // Virginia Law Review. 1990. Vol. 76, no. 5. P. 937–996. DOI: 10.2307/1073154.

8. Хинтиikka Я. О Витгенштейне. М.: Канон + РООИ Реабилитация, 2015. 272 с.
9. Л. Витгенштейн: Pro et Contra. Антология / ред. С. В. Никоненко. СПб.: Изд-во РХГА, 2019. 1056 с. ISBN 978-5-88812-840-4.
10. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / пер. Лахути Д. Г., Добронравова И. С. М.: Канон + РООИ Реабилитация, 2017. 288 с. ISBN 978-5-88373-062-6.
11. Ильичев А. А. Тема факта в философии Б. Рассела и Л. Витгенштейна // Известия Саратовского университета. Серия: Психология. Философия. Педагогика. 2011. Т. 11, вып. 2. С. 28–32.
12. Суровцев В. А. Автономия логики: источники, генезис и система философии раннего Витгенштейна. Томск: Изд-во ТГУ, 2001. 308 с.
13. Ладов В. А., Суровцев В. А. Следование правилу и скептический парадокс (критические замечания о теории языкового значения Витгенштейна-Крипке) // Критика и семиотика. 2008. № 12. С. 101–116.
14. Дидикин А. Б. Следование правилу и юридический язык: аргументы реализма и антиреализма // Известия Уральского федерального университета. Серия: Общественные науки. 2015. № 4. С. 66–72.
15. Витгенштейн Л. Философские исследования / пер. Л. Добробельского. М.: АСТ, 2011. 352 с. ISBN 978-5-17-066753-6.
16. Бельх В. С. Договорное право Англии: сравнительно-правовое исследование. М.: Проспект, 2016. 208 с.
17. Нехаев А. В. Страсти по морали и юридический позитивизм: ответ Антону Дидикину // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2019. Т. 4, № 4. С. 94–111. DOI: 10.25206/2542-0488-2019-4-4-94-111.
18. Markell B. A. Bewitched by Language: Wittgenstein and the Practice of Law // Pepperdine Law Review. 2004. Vol. 32, no. 4. P. 801–846.

ДИДИКИН Антон Борисович, доктор философских наук, кандидат юридических наук, заведующий сектором философии права, истории и теории государства и права, ведущий научный сотрудник.
SPIN-код: 4897-4450
ORCID: 0000-0003-0808-8900
AuthorID (SCOPUS): 56308857400
ResearcherID: C-7039-2018
Адрес для переписки: abdidikin@bk.ru

Для цитирования

Дидикин А. Б. Витгенштейн и метаморфозы юридического языка // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2020. Т. 5, № 2. С. 109–115. DOI: 10.25206/2542-0488-2020-5-2-109-115.

Статья поступила в редакцию 27.03.2020 г.

© А. Б. Дидикин

WITTGENSTEIN AND METAMORPHOSES OF LEGAL LANGUAGE

The paper analyzes the evolution of Wittgenstein's philosophical ideas and the influence of his views on the analytical legal philosophy and the legal language theory. Based on the key arguments of the «Logical-philosophical Treatise», the author reconstructs the possibility of displaying legal phenomena in the legal language from the position of logical validity and the relationship between the syntax and semantics of normative prescriptions. Modern discussions about the possibilities of implementing Wittgenstein's arguments about the rule following problem and the skeptical argument in the field of interpretation and clarification of the content of legal norms are considered. The concepts of D. Patterson and A. V. Nekhaev on the social context of interpretation of judicial practice and the motives of judges in making legal decisions are analyzed. The author substantiates the position on the deep relationship between every day and professional discourses in the legal language.

Keywords: Wittgenstein, legal language, facts, actions, interpretation, judicial practice, legal doctrine, social context.

References

1. Baker G. P., Hacker P. M. S. Wittgenstein: Rules, Grammar and Necessity. Oxford, 2009. 400 p. (In Engl.).
2. Ogleznev V. V. «Открытая текстура» эмпирических понятий и лингвистический антиредукционизм Фридриха Вайсмана [The «Open Texture» of Empirical Concepts and Linguistic Anti-Reductionism of Friedrich Waismann] // Epistemologiya i filosofiya nauki. *Epistemology & Philosophy of Science*. 2019. Vol. 56, no. 3. P. 110–122. DOI: 10.5840/eps201956353. (In Russ.).
3. Ogleznev V. V., Surovtsev V. A. Al'f Ross ob opredelenii v yuridicheskom yazyke [Alf Ross on Definition in Legal Language] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. *Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya. Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2018. No. 41. P. 221–236. DOI: 10.17223/1998863X/41/23. (In Russ.).
4. Kasatkin S. N. Logika, ratsional'nost' i sledovaniye pravilu v sudebnom reshenii: obzor doktriny G. L. A. Kharta [Logic, rationality and rule-following in judicial decision: a review of H. L. A. Hart's doctrine] // Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal. *Eurasian Law Journal*. 2016. No. 7. P. 137–138. (In Russ.).
5. Voynikanis E. A. Problema soznaniya v filosofii pozdnego Vitgenshteyna i sovremennoye pravovoye myshleniye [The problem of consciousness in philosophy of late Wittgenstein and modern legal thinking] // Filosofiya soznaniya: istoriya i sovremennost'. Moscow: MSU Publ., 2003. P. 339–353. (In Russ.).
6. Tumanov V. A. Burzhuaznaya pravovaya ideologiya. K kritike ucheniy o prave [Bourgeois legal ideology. To criticism of law doctrines] // Izbrannoye [Collected Papers]. Moscow: Norma Publ., 2013. P. 6–312. (In Russ.).
7. Patterson D. M. Law's Pragmatism: Law as Practice & Narrative // *Virginia Law Review*. 1990. Vol. 76, no. 5. P. 937–996. DOI: 10.2307/1073154. (In Engl.).
8. Hintikka J. O Vitgenshteyne [On Wittgenstein]. Moscow: Kanon + ROOI Reabilitaya Publ., 2015. 272 p. (In Russ.).
9. L. Wittgenshteyn: Pro et Contra. Antologiya [L. Wittgenstein: Pro et Contra. Anthology] / Ed. S. V. Nikonenko. St. Petersburg: Russian Christian Academy of Humanities Publ., 2019. 1056 p. ISBN 978-5-88812-840-4. (In Russ.).
10. Wittgenstein L. Logiko-filosofskiy traktat [Logical-philosophical treatise] / Trans.: Lakhuti D. G., Dobronravov I. S. Moscow: Kanon + ROOI Reabilitaya Publ., 2017. 288 p. ISBN 978-5-88373-062-6. (In Russ.).
11. Ilyichev A. A. Tema fakta v filosofii B. Rassela i L. Vitgenshteyna [Subject Fact in Philosophy B. Russell and L. Wittgenstein] // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya: Psikhologiya. Filosofiya. Pedagogika. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Psychology. Pedagogy*. 2011. Vol. 11, Issue 2. P. 28–32. (In Russ.).
12. Surovtsev V. A. Avtonomiya logiki: istochniki, genezis i sistema filosofii rannego Vitgenshteyna [Autonomy of Logic: Sources, Genesis and System of philosophy of early Wittgenstein]. Tomsk: TSU Publ., 2001. 308 p. (In Russ.).
13. Ladov V. A., Surovtsev V. A. Sledovaniye pravilu i skepticheskiy paradoks (kriticheskiye zamechaniya o teorii yazykovogo znacheniya Vitgenshteyna-Kripke) [Following rule and skeptical paradox (critical remarks on theory of language meaning of Wittgenstein-Kripke)] // Kritika i semiotika. *Criticism and Semiotics*. 2008. No. 12. P. 101–116. (In Russ.).
14. Didikin A. B. Sledovaniye pravilu i yuridicheskiy yazyk: argumenty realizma i antirealizma [Rule-following and Legal Language: Arguments of Realism and Antirealism] // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya Obshchestvennyye nauki. *Izvestia Ural Federal University Journal. Series Social and Political Sciences*. 2015. No. 4. P. 66–72. (In Russ.).
15. Wittgenstein L. Filosofskiy issledovaniya [Philosophical Research] / Ed. L. Dobrosel'skiy. Moscow: AST Publ., 2011. 352 p. ISBN 978-5-17-066753-6. (In Russ.).
16. Belykh V. S. Dogovornoye pravo Anglii: sravnitel'no-pravovoye issledovaniye [Contract Law of England: Comparative Legal Research]. Moscow: Prospect Publ., 2016. 208 p. (In Russ.).
17. Nekhaev A. V. Strasti po morali i yuridicheskiy pozitivizm: otvet Antonu Didikinu [Moral passions and legal positivism: reply to Anton Didikin] // Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'. *Omsk Scientific Bulletin*.

Ser. Society. History. Modernity. 2019. Vol. 4, no. 4. P. 94–111.
DOI: 10.25206/2542-0488-2019-4-4-94-111. (In Russ.).

18. Markell B. A. Bewitched by Language: Wittgenstein and the Practice of Law // *Pepperdine Law Review.* 2004. Vol. 32, no 4. P. 801–846. (In Engl.).

DIDIKIN Anton Borisovich, Doctor of Philosophical Sciences, Candidate of Law, Head of Legal Philosophy, Legal History and Legal Theory Department, Leading Researcher.

SPIN-code: 4897-4450

ORCID: 0000-0003-0808-8900

AuthorID (SCOPUS): 56308857400

ResearcherID: C-7039-2018

Address for correspondence: abdidikin@bk.ru

For citations

Didikin A. B. Wittgenstein and Metamorphoses of Legal Language // *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity.* 2020. Vol. 5, no. 2. P. 109–115. DOI: 10.25206/2542-0488-2020-5-2-109-115.

Received March 27, 2020.

© A. B. Didikin